

Есть тому по крайней мере три причины, в эту пору особо значимые для Некрасова. Одна из них прямо вытекает из особенным образом организованной системы его социально-этических воззрений и представлений.

Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.

(Т. 4. С. 33)

А как быть тому, кому эта дорога не «мила», хотя бы он и *убежденно* следовал по ней? — Тогда зачем бы нужно было ее избирать? Но припомним:

...чтоб дать душе уроки
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желает быть сыта!

Вступив некогда в союз с «неласковой и нелюбимой Музой», признав справедливость и интересов «стяжания», Некрасов, однако, никогда не отождествлял императивов жизненной практики с исповедуемыми им духовными устремлениями. Но то, что мыслилось некогда — пусть даже не как ложная дорога «всеобщей корысти», а только как *не бесчестное и временное* «средство», доставляющее возможность обеспечить жизненную и творческую свободу *в дальнейшем*, — взяло и обмануло. Именно «дальнейшего»-то, как полагал тяжело больной поэт, ему и не было отпущено. Чем стоящий на пороге кончины честный человек сможет оправдать теперь свою былую повседневную «суетность», свои расчеты и выигрыши в жестоких житейских и общественных «играх» (по правилам, им в душе не оправдываемым, и раз за разом убеждаясь в том, какую мучительную цену ему приходится платить за свой будущий успех²⁶)? Как объяснить людям, гордящимся собственной порядочностью, свое «целесообразное» следование рутинному порядку вещей и неприменный учет *пошлых* норм и убеждений людей, эту пошлость оберегающих и утверждающих? Чего стоит *этой* ценою достигнутый им жизненный успех? Ради какого итога, свершения, исполнения чьего завета были приносимы им эти постоянные нравственные и личные жертвы? Неужели же только ради приобретения и самоутверждения? «Неоправданность» собственной жизни в высшем, ценностном отношении — вот что особенно мучило Некрасова во время его болезни середины 50-х годов и даже позже, в пору подведения им окончательных жизненных итогов.

Другая причина душевных терзаний «на редкость удачливого» журналиста и литератора заключалась в поразительно «дружных» и многократно

²⁶ Сошлемся, во-первых, на незавершенный роман Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1845, 1846—1848), основным содержанием которого, особенно в его начальном варианте, был показ того, что делает с порядочным юношей подлая жизнь и какую нравственную цену она предлагает ему заплатить за «успешное» выживание. Другим примером той же логики может стать биографический эпизод с отказом (сколь бы ни был обоснован этот отказ) начинающего редактора Некрасова своему умирающему «учителю» Белинскому в предоставлении тому доли в капитале «Современника». См. об этом: *Евгеньев-Максимов В.* 1) Некрасов и его современники. М., 1930. С. 70—92; 2) «Современник» в 40—50 гг. от Белинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 79—92; Лит. наследство. Т. 49—50. С. 154—158; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 15. Кн. 1. С. 263—265.